

Внешняя политика Бонапарта и Россия, 1799-1801 гг.

Внешняя политика Наполеона Бонапарта – это вопрос, который вызывал и вызывает живейший интерес и острые споры в среде исследователей, французских и российских, а также среди историков других европейских стран. Насколько внешняя политика первого консула, а затем императора была продиктована интересами элиты французского общества? Какую роль сыграли персональные амбиции Бонапарта? На каком этапе интересы большинства французов и личные устремления главы французского правительства вступили в противоречие? Определялась ли эта политика необходимостью защиты завоеваний революционной Франции, или же она имела исключительно агрессивный характер и была продиктована лишь амбициозным стремлением расширить до предела сферы влияния Франции и подчинить ее диктату всю Европу?

Без сомнения, определяющими в этом смысле являются первые годы правления Бонапарта, когда в результате переворота 18 брюмера молодой генерал стал главой французского правительства. Именно в это время определились основные линии внешней политики наполеоновской Франции. Война 1805 года с Третьей коалицией внесла столь сильный дисбаланс в европейское равновесие и так уже нарушенное беспримерным усилением французского могущества в годы революционных войн, что дальнейшее мирное сосуществование французской империи и монархической Европы стало крайне проблематичным. Именно поэтому представляется очень важным вскрыть корни этого конфликта, в котором, как в зародыше содержатся истоки будущих европейских потрясений.

Особо важными представляются отношения Бонапарта с Россией. Ведь именно конфликт Наполеона и Александра станет одной из самых важных причин бушевавших в начале XIX войн. Какую роль отводил русско-французским отношениям первый консул в той политической системе, которую он наметил себе в первые годы своего правления? Действительно ли русско-французский конфликт был неизбежен и диктовался геополитическим императивом или его возникновение было результатом ряда причин исключительно личностного характера?

Для того, чтобы оценить это, представляется интересным обратиться к самым первым внешнеполитическим шагам Наполеона Бонапарта на посту главы французского правительства, к отношениям между Францией и Россией в 1799-1801 гг., в период правления в России императора Павла I.

Бонапарт стал первым лицом в государстве почти что день в день с фактическим выходом России из рядов второй коалиции направленной против революционной Франции*, а известия о перевороте 18 брюмера во Франции пришли в Санкт-Петербург вместе с новостями о последних событиях на фронтах пока еще неоконченной войны. Павел узнал о последствиях неудачного похода русских войск в Голландию, о том ужасном положении, в котором оказались русские войска по милости англичан на островах Джерси и Гернси. Наконец, в последние дни 1799 г. царь получил донесение от адмирала Ушакова, в котором рассказывалось об инциденте, произошедшем под стенами Анконы.¹ Если до этого у Павла еще оставались некоторые сомнения, то эти известия из Италии и Голландии окончательно убедили императора в том, что России не по пути с коалицией.

* 16 октября Бонапарт вернулся в Париж и начал подготовку к перевороту, 22 октября Павел направил императору Францу послание о прекращении совместных действий против Франции, 10 ноября произошел переворот, 20 ноября Павел еще раз подтвердил свое решение о выходе из коалиции в письме к Суворову

¹ Эту крепость и довольно важный порт в средней Италии осаждали в сентябре-октябре 1799 г. австрийские войска генерала Фрелиха. Вместе с ними действовали русские части и турецкий отряд. Когда 14 ноября крепость сдалась, и французы вышли из нее на правах свободного возвращения к своим, русские офицеры подняли в гавани захваченной крепости, флаги союзников – австрийский, русский и турецкий. Однако австрийцы силой обезоружили часовых у флагов и сбросили русский и турецкий стяги, а русские полки не были допущены внутрь крепости, занятой, тотчас по выходу французов, австрийскими войсками.

Несколько событий, случившихся в это время, подтверждают, что на этот раз решение было принято основательно и надолго. 1 (12) февраля 1800 г. Павел I формально потребовал от английского правительства отзыва британского посла Уитворта. Этот человек был известен своими интригами и бурной деятельностью в среде русской элиты с целью вынудить Россию и дальше воевать на стороне коалиции. Император как в воду глядел, ибо Уитворту суждено будет сыграть роковую роль в его судьбе.

Несколько позже Петербург покинул генерал Дюмурье. Этот бывший республиканец стал фактически английским агентом и ярким сторонником короля-изгнанника Людовика XVIII. В течение двух месяцев генерал добивался аудиенции у Павла. В конечном итоге ему удалось встретиться с императором на параде, потом еще два раза он таким же образом беседовал с Павлом. Суть его предложений была такова: Россия должна не только продолжать свое участие в коалиции, но и выделить войска для совместной с англичанами высадки в Нормандии. Сам же Дюмурье брался если не возглавлять их, то, по крайней мере, сопровождать полки до Парижа, захватить власть и, сыграв роль Монка, передать ее «законному монарху» – Людовику XVIII. Какое-то время Павел колебался, думал, но к концу февраля него созрело окончательное мнение – России все это не нужно, и генералу порекомендовали вернуться туда, откуда он прибыл.

Одновременно вести из Франции вызывали живейший интерес Павла I. В скором времени этот интерес приобрел черты неподдельного восторга преобразованиями и свершениями Бонапарта. Сведения об этом, вначале очень скудные, весной 1800 г. стали достигать Парижа. В Национальном Архиве Франции хранится любопытнейший документ, датированный маем 1800 г. Это донесение начальника штаба Рейнской армии Дессоля об изменении настроений императора Павла, составленное на основании данных разведки. В донесении после перечисления причин, заставивших царя покинуть лагерь коалиции, говорится: «Конечно Павел I никогда не будет разделять республиканские идеи, но он легко может быть увлечен великими людьми, которые отличились на военной стезе, у него, можно сказать, в этом существует потребность... как кажется он все больше проникается уважением по отношению к Первому консулу, и очевидно он благожелательно воспримет предложение о сближении с его стороны»¹.

Автор донесения дает также и свои рекомендации о том, как требуется поступать в отношении Павла: «...Нужно укрепить всеми способами Павла I в его убеждении, согласно которому Австрия и Англия воспользовались его великодушием и доверчивостью, чтобы с помощью русских войск удовлетворить свои амбиции, показать, что обе эти державы сходятся в мысли любыми путями помешать проектам Санкт-Петербургского двора в отношении Средиземноморья и Адриатики, а также развитию русской торговли на ближнем востоке... Нужно возобновить переговоры о торговом соглашении между Францией и Россией, о котором уже идет речь в течение 60 лет, и все существующие представления на этот счет показывают взаимные выгоды с абсолютной очевидностью – достаточно их почитать, чтобы убедиться в этом...»²

Впрочем, «укреплять» Павла I в его раздражении по отношению к Австрии и Англии не было никакой необходимости. Другой французский агент докладывал из Санкт-Петербурга: «Павел I никогда не простит двуличности венскому кабинету... Его самолюбие настолько уязвлено тем, что он стал игрушкой австрийских интриг, что немыслимо, чтобы он забыл обо всех этих недостойных вещах»³.

В апреле 1800 г. из Лондона был отозван русский посол граф Воронцов. Семен Романович Воронцов был не просто послом. Представитель влиятельного клана Воронцовых, он в 1784 г. был назначен послом в Великобританию и за 16 лет до того «вжился» в страну своего пребывания, что стал больше англичанином, чем русским. Благоговей перед английскими политическими учреждениями, он безраздельно поддерживал все действия правительства этой страны. Воронцов, как писал граф Чарторыйский, «...поистине пустил корни в Англии, он так превозносил ее, как не мог бы это делать самый ярый «тори». Он

настолько восхищался господином Питтом^{*}, что не мог себе позволить не только критику, не только какое-либо замечание, но даже малейшее сомнение по поводу доктрин и действий этого министра. Для графа Воронцова подобное сомнение показалось бы неприемлемым нонсенсом, глупостью или моральным уродством... Эти чувства мешали ему смотреть беспристрастно на события и понимать интересы России...»⁴ Отзыв Воронцова^{**} был важным политическим знаком, тем более что одновременно русский посол был отозван и из Вены, а на его месте не оставили даже временного поверенного.

На смену курса коалиционной войны окончательно приходили новые политические ориентиры пока еще довольно неясные.

В то время когда Россия искала новую внешнеполитическую систему, во Франции Первый консул должен был немедленно решить не только острые внутренние проблемы, с чем он блистательно справлялся, но и внешние. Самой главной из них была война с коалицией. Ведь, несмотря на то, что Россия покинула де-факто ряды антифранцузского союза, Англия и Австрия не складывали оружия. Война продолжалась на суше и на море, Италия была потеряна, французские войска изгнаны с Ионических островов, блокированы в Египте, осаждены на Мальте, а границы Республики, несмотря на победы в Голландии и Швейцарии, оставались под угрозой. Франция устала от бесконечной войны, подавляющее большинство французов желали не только прекращения анархии и хаоса, но и мечтали о мире. Мира хотело и большинство европейцев – простых англичан, немцев, итальянцев, голландцев...

Бонапарт чувствовал это общее неодолимое желание и решил сделать шаг, пренебрегающий всеми формальными дипломатическими нормами. 26 декабря 1799 г., фактически едва только придя к власти, он напрямую обратился к английскому королю: «Война уже в течение восьми лет разоряет четыре части света. Неужели она должна быть вечной? Неужто нет никакого способа ее остановить? Как две нации, самые просвещенные в Европе, могущественные и сильные, даже более того, чем нужно для их безопасности и независимости, могут жертвовать во имя пустого тщеславия блага торговли, внутреннего процветания и счастье стольких семейств? Почему мы отказываемся признать, что мир – это первая необходимость для человечества и самая высокая слава...»⁵ Одновременно подобное письмо Бонапарт направил и австрийскому императору. Оно завершалось словами: «Я далек от всякой жажды пустой славы и моим главным желанием является остановить потоки крови, которые неизбежно прольются на войне»⁶.

Ответом на эти послания было презрительное письмо английского министра иностранных дел лорда Гренвиля и концентрация австрийских войск в Италии. Война, увы, была неизбежной. Но, рассчитывая на слабость Франции, союзники забыли, что во главе ее отныне стоял полный энергии и отваги человек, вокруг которого сплотилась вся нация. Наконец, человек, профессией которого была война.

Пока австрийские генералы пытались выяснить обстановку и собирали свои войска, а армия Меласа в Италии только начала свое движение вперед, Бонапарт уже четко наметил план действий и немедленно приступил к его исполнению.

Бонапарт принимает смелое решение – собрать так называемую Резервную армию, во главе которой формально будет поставлен генерал Бертье. Верный штабной генерал, разумеется, не будет противиться реальному командованию Первого консула, который официально будет просто «сопровождать» войска. Массена в районе Генуи упорной обороной должен сковать главные силы австрийцев, тогда Резервная армия (60 тысяч человек) стремительно форсирует Альпы и нанесет удар по врагу с тыла. Такова была идея маневра, а его исполнение станет образцовым.

Пока Мелас сосредоточил все свое внимание на Генуе, Бонапарт привел в действие план кампании. 6 мая 1800 г. в 4 часа утра он покинул дворец Тюильри, ставший его резиденцией. На следующий день он был в Дижоне, где провел смотр одной из дивизий Резервной армии, 9

* Уильям Питт – английский премьер-министр.

** Несмотря на официальное смещение с поста посланника, Воронцов, сославшись на болезнь, остался в Лондоне и не вернулся в Россию.

мая в Женеве, 13 мая в Лозанне.

16 мая авангард армии Бонапарта двинулся на перевал Сен-Бернар, а 20 мая в 17 часов сам главнокомандующий был на вершине перевала. В несколько дней французская армия преодолела все препятствия: горы, снега, разбила австрийские отряды на выходе из гор и 2 июня снова с триумфом вступила в Милан. Австрийцы так «умело» управляли в Ломбардии, что итальянцы, которые еще год назад приветствовали войска коалиции, теперь иступленно ликовали при виде молодого полководца и его солдат...

Мелас был в растерянности, он с трудом мог поверить, что армия Бонапарта не просто пришла в Италию – она была в тылу австрийцев! Несмотря на то, что к этому времени, после героической обороны, Генуя вынуждена была капитулировать, на условиях свободного выхода французских войск, ситуация для австрийской армии стала катастрофической. Мелас собрал силы и пошел на прорыв. 14 июня 1800 г. у деревни Маренго произошла решающая битва.

В начале битвы при Маренго австрийцы имели решающее превосходство: 30 тысяч человек против 20 тысяч Бонапарта. Как следствие, поначалу Мелас не только отбросил французов, но более того был уверен, что уже одержал победу. Однако, примерно в 15:30 на поле боя показались части Дезэ, любимого друга Бонапарта, который всего лишь несколько дней тому назад вернулся из Египта и теперь горел нетерпением сразиться с врагом. Несмотря на то, что он с 7 тысячами солдат был послан в противоположном от поля сражения направлении, едва услышав гром канонады, он остановил войска и, получив краткую записку от главнокомандующего, устремился в бой.

«Я прибыл, мы все в полном порядке и готовы умереть, если надо» - воскликнул верный Дезэ, обращаясь к своему командующему и другу. Войска Дезэ с ходу ринулись в бой и битва из неудачной превратилась в блистательную победу. Австрийцы обратились в бегство, полностью разгромленные и деморализованные. Увы, молодой герой, красавец Дезэ пал на поле сражения с сердцем, пробитым австрийским свинцом. Бонапарта впервые увидели со слезами на глазах. Ведь это был не просто отличный генерал – Дезэ был горячо любимым другом. «Я скоро буду в Париже, - написал Бонапарт письмо своим коллегам, второму и третьему консулу, - Ничего не могу сказать Вам более. Я испытываю самую острую боль от потери человека, которого я любил и ценил более кого-либо»⁷.

Дезэ пал на поле битвы, но победа была полной. Генерал Мелас на следующий день подписал конвенцию, согласно которой австрийцы очищали без боя большую часть северной Италии. Едва начавшись, война уже закончилась. 2 июля 1800 г., меньше чем через два месяца после своего отъезда, Первый консул поднялся в свой рабочий кабинет по ступеням дворца Тюильри. Таким образом, пока армии на территории Германии еще только собирались воевать, боевые действия уже завершились. Было подписано перемирие, которое, как предполагал Первый консул, должно было увенчаться переговорами и заключением всеобщего мира.

Современники были потрясены невиданными успехами молодого героя. Немецкий военный теоретик того времени фон Бюлов написал, что эти события представляют собой «череду чудес, которые являют собой результат действия неведомых, я бы сказал сверхъестественных сил».

При дворе императора Павла известия о победе Бонапарта вызвали реакцию, которую трудно было бы вообразить еще за полгода до этого: «Новость о победе при Маренго произвела в Петербурге удивительный эффект, - доносил источник министерства иностранных дел Франции, - Павел I не мог сдержать своей радости, не прекращая повторять: «Ну что, видите, какую трепку задали австрийцам с тех пор, как из Италии ушли русские». Бонапарт стал отныне его героем, и, следовательно, как вы можете догадаться, героем для всего двора – какая необычная перемена!»⁸

Подобные настроения открывали дорогу к возможному сближению России и Франции. Нужно сказать, что первые шаги, осторожный дипломатический зондаж в этом направлении был предпринят еще в самые первые месяцы Консульства. В январе 1800 г., встречаясь с Сандосом-Ролленом, посланцем Пруссии в Париже, Талейран заметил: «Нет ли способа договориться с Россией, объяснив ей, что она не получает никаких выгод, разжигая войну

против Франции? Ослабляя Францию, она усиливает свою соперницу Австрию. Быть может прусский король возьмет на себя миссию узнать мнение России на этот счет и станет посредником в нашем сближении с этой державой. Чем больше я размышляю над этим, тем более вижу выгоду для этого монарха сыграть роль в подобных переговорах»⁹.

С этого времени завязались первые осторожные русско-французские контакты в Берлине, а затем и в Копенгагене. Но эти переговоры шли через посредников и продвигались черепашным шагом. Маренго, еще больше укрепившее власть Первого консула, поднявшее его политический престиж в Европе, открыло новые перспективы. Теперь Бонапарт решил, что он может сделать первый шаг навстречу недавнему противнику Франции.

18 июля 1800 г. министр иностранных дел Франции Талейран по поручению Первого консула направил вице-канцлеру Российской империи графу Никите Петровичу Панину письмо следующего содержания: «Граф, Первый консул Французской республики знал все обстоятельства похода, который предшествовал его возвращению в Европу. Он знает, что англичане и австрийцы обязаны всеми своими успехами содействию русских войск; и так как он почитает мужество, так как он больше всего стремится выразить свое уважение к храбрым войскам, он поспешил распорядиться, чтобы комиссарам, которым поручен был Англией и Австрией обмен пленных, предложено было включить в этот обмен и русских, находившихся во Франции...

Но это предложение, столь естественное и повторенное несколько раз, осталось без успеха. Сами англичане, которые не могут не сознаться, что они обязаны русским и своими первыми успехами в Батавии, и плодами, которые они пожали безраздельно, и своим безопасным отступлением (потому что без русских ни одному англичанину не удалось бы сесть на корабль), англичане, говорю я, имеющие в эту минуту у себя двадцать тысяч пленных французов, не согласились на обмен русских.

Пораженный этою несправедливостью и не желая далее удерживать таких храбрых воинов, которых покидают коварные союзники, сперва выдав их, Первый консул приказал, чтобы все русские, находящиеся в плену во Франции, числом около 6 тысяч, возвратились в Россию без обмена и со всеми военными почестями. Ради этого случая они будут обмундированы заново, получат новое оружие и свои знамена»¹⁰.

За этим письмом последовало следующее, также подписанное Талейраном, где подчеркивалась решимость французов защищать остров Мальту от англичан, желающих прибрать его к рукам. Наконец Бонапарт послал в подарок императору Павлу I меч, дарованный папой Львом X одному из магистров Мальтийского ордена.

Рыцарский жест и каждая строка в письмах Первого консула были «тонко рассчитаны, - справедливо отмечает известный советский историк А. Манфред, - и неназойливое напоминание о том, что Бонапарт не участвовал в минувшей войне, и стрела, как бы ненароком направленная в Англию и Австрию, и дань уважения, принесенная русским храбрым войскам»¹¹. Наконец и сам адресат был выбран умело – хорошо знали, что Панин был горячим англофилом и сторонником коалиции. Разумеется, что, несмотря на формального адресата, письма в конечном итоге оказались на столе императора. Зная характер Павла I, нетрудно догадаться какое впечатление произвели на него эти смелые, простые и благородные слова и поступки.

В августе 1800 г. источник из Петербурга сообщал: «Великодушное отношение французского правительства к русским военнопленным произвело самое благоприятное впечатление в Петербурге и вообще в России...

Русский художник написал картину, изображающую момент, когда Бонапарт устремился на мост у Лоди, чтобы во главе гренадер взять штурмом вражеские батареи*. Императрица купила картину за 600 рублей.

Официальные рапорты французского правительства, опубликованные в газете «Moniteur», теперь по приказу императора печатаются в Придворной газете, так что мы не

* Как известно, Бонапарт устремился на штурм Аркольского моста, под Лоди он лишь отдал приказ к атаке, которую непосредственно возглавил Бертье. Ошибся либо художник, либо автор записки.

хуже информированы о наступлении французской армии, чем в Париже.

Как кажется, французское правительство позволило вернуться во Францию многим эмигрантам. Павел I, которому сообщили об этом великодушный Первый консул, пораздумав немного, сказал: «Я, разумеется, не хочу, чтобы Первый консул изменил свое мнение по этому вопросу, однако боюсь, что у него с этими людьми выйдет, что и у меня. Они оплатят ему самой черной неблагодарностью^{**}. Я очень желаю, чтобы ему не пришлось раскаиваться. Эмигранты опасны везде, где бы они ни находились, а во Франции в особенности».

Известно, что французское правительство ведет переговоры с нашим двором в Берлине. Господин Крюденер^{***} часто видится с генералом Бернонвилем...

Англия выделила значительные суммы, чтобы склонить наш двор остаться в коалиции. Но горе тому, кто осмелится предложить это...»¹².

Разумеется, положительная, можно сказать восторженная реакция Павла был бы невозможна, если бы речь шла исключительно об изысканных жестах со стороны Бонапарта. Результат был столь значительным, потому что демонстрации внимания легли на прочную базу сознания близости интересов России и Франции. Неудача «крестового похода» заставила русского императора сменить стержень своей внешней политики: от идеологических соображений перейти на более твердую почву геополитики. С другой стороны, необходимость любой ценой остановить революционную войну настоятельно требовала от правящих кругов Франции найти союзника. Только с помощью прочного союза можно было раз и навсегда примирить новую Францию с Европой.

И Бонапарт, и Павел в начале 1800 г. получили от своих ближайших помощников ряд недвусмысленных соображений на этот счет. Даже министр иностранных дел Талейран, который видел в перспективе для Франции возможность и необходимость сближения с Австрией, написал в знаменитой брошюре «Состояние Франции в конце VIII года»^{*}: «Франция, возможно единственное государство, у которого нет оснований опасаться России. У Франции нет никакой заинтересованности желать ослабления этой страны, никакой причины, чтобы не давать развития ее благосостоянию. Конечно, хотелось бы, чтобы Россия ограничила чрезмерный рост своего влияния и не повторяла более опыт активного участия в войне, которая со всех точек зрения не могла быть ей полезна. Но даже это пожелание совпадает с интересами могущества и процветания Российской империи... Улучшить отношения между Францией и Россией, сделать так, чтобы исчезли даже причины, даже случаи споров очень просто, и Франция не должна быть ни придирчивой, ни требовательной, все что она желает равным образом будет полезно как России, так и ей... Русская империя может получить великолепный союз... она более не будет взирать на Францию с враждебностью и получит возможность поддерживать равновесие на севере Европы, в то время как Франция будет поддерживать это равновесие на юге. Согласие этих государств обеспечит стабильность всего мира»¹³. Из пространной аргументации, Талейран сделал вывод о приоритетах французской внешней политики. Они должны были быть следующими: «Война до победы и блокада Великобритании до тех пор, пока последняя будет безраздельно господствовать на морях. Война с Австрией, чтобы заключить с ней мир, а потом и союз. Договор с Россией, которая должна стать главным и естественным союзником Франции»¹⁴.

С другой стороны, подобную же записку (всего лишь через несколько месяцев после того, как Талейран составил свою) подал императору Павлу I министр иностранных дел России граф Ростопчин. Эта записка была внимательно изучена императором и подтверждена им 2

^{**} По окончании боевых действий в начале 1800 г. корпус Конде получил приказ следовать в Россию. Однако многие «кондейцы» не пожелали возвращаться к месту расквартирования, а сам герцог Энгиенский написал отцу: «Что касается меня, то, если мне велят возвратиться в Россию, я буду в отчаянии. Умереть для гражданской и военной жизни, умереть для всей остальной Европы – вот участь возвратившихся в Россию накануне всеобщего мира». Узнав об этих настроениях, оскорбленный в своих чувствах царь повелел исключить корпус с русской службы. Эмигрантов взяло на содержание английское правительство.

^{***} Барон Крюденер – русский посол в Берлине.

^{*} Конец VIII года Республики – начало 1800 г.

Брошюра была написана Талейраном, но непосредственная обработка текста принадлежит д'Отриву.

(14) октября 1800 г. Прежде всего Ростопчин считал, что Бонапарт желает мира с Россией и другими континентальными державами уже хотя бы потому, что вынужден вести борьбу с Англией: «Нынешний повелитель сей державы (Франции) слишком самолюбив, счастлив в своих предприятиях и неограничен в славе, дабы не желать мира. Им он утвердит себя в начальстве, приобретет признательность утомленного Французского народа и всей Европы и употребит покой внутренний на приготовления военные против Англии, которая своею завистью, пронырством и богатством была, есть и прибудет не соперница, но злодей Франции...»¹⁵ Русский министр иностранных дел уверен, что Бонапарт ищет сближения с Россией: «Истина сего доказывается всем его поведением: ...сколько покушений со стороны его было... дабы вступить в переговоры и, ...переменить неприязненное положение России с Францией на дружелюбное, для чего Бонапарт отменно против прочих содержал Российских военнопленных и предлагал Мальту возвратить Вашему Императорскому Величеству, яко великому магистру ордена...»¹⁶ Наконец, Ростопчин крайне негативно оценивал цели британской политики: «Англия, среди повсеместных своих морских успехов, возбуждая зависть всех кабинетов своею алчностью и дерзким поведением на морях, коих она исключительно хочет присвоить себе владычество, не могла сохранить ни одной из всех политических связей своих... Она в таком теперь положении есть или скоро будет, что кроме Турецких и Португальских портов, ни в какие другие в Европе входить не может, и по сим важным причинам она посягнет на мир... Но в каком бы она положении не была, всегдашняя цель Английского министерства, так как душевное желание всякого Англичанина, будет падение Франции... Так она... вооружила попеременно угрозами, хитростью и деньгами все державы против Франции (Замечание императора Павла: «И нас грешных!») и выпускала их на театр войны единственно для достижения собственной цели...»¹⁷

Выводом Ростопчина является необходимость сближения с Францией и тесное взаимодействие с ней на международной арене. Русский министр считал, что одной из выгод подобного сближения может явиться перспектива раздела турецких владений. Османскую империю Ростопчин рассматривал как «безнадежного больного».

Император Павел I согласился с выводами своего министра и написал: «Опробуя план ваш, желаю, чтоб вы приступили к исполнению оного. Дай Бог, чтоб по сему было»¹⁸.

Первым практическим шагом на пути этого сближения была посылка в Париж уполномоченного, формальной целью которого было обсуждение вопросов, связанных с возвращением русских пленных на родину. На самом деле, посланец царя - генерал Георг Магнус Спренгпортен, должен был подготовить почву для политического сближения России и Франции. Среди документов, которые Спренгпортен повез с собой в Париж, самым важным была нота Ростопчина от 26 сентября (8 октября) 1800 г. Интересно, что эта нота противоречит по своему духу записке, которую подал сам же Ростопчин императору. В ноте в резкой и беспощадной форме ставится пять условий, только при выполнении которых Россия готова была искать общий язык с Францией. Вот эти пять условий:

1. Возвращение острова Мальта со всеми его владениями ордену.
2. Возвращение Сардинскому королю всех его владений.
3. Неприкосновенность земель Неаполитанского королевства.
4. Неприкосновенность владений курфюрста Баварского.
5. Неприкосновенность владений герцога Вюртембергского.¹⁹

Можно было не сомневаться, что пункт второй станет камнем преткновения в дальнейших переговорах. После победы при Маренго французы снова заняли Пьемонт. Нужно отметить, что во время годового австрийского владычества на территории этой страны, король так и не смог вернуться в свои владения, жестоко эксплуатировались ресурсы Пьемонта, был установлен режим террора, население королевства разочаровалось и в союзниках, и в своем собственном монархе. Трудно было представить, что французы не используют это обстоятельство для того, чтобы, так или иначе, включить Пьемонт в орбиту своего влияния. Что же касается возвращения короля, то этот пункт, после того как коалиция сама грубо его нарушила, выглядел, по крайней мере, очень странно. Но зачем же ставилось это заведомо

невыполнимое условие? Можно предположить, что его включили в определенной степени по инерции и, судя по дальнейшим действиям, император Павел I не абсолютизировал эти требования, для него главным стала идея сближения с Францией.

Что касается Первого консула, то он был просто в восторге от наметившегося процесса. Узнав о посылке генерала Спренгпортена во Францию, он сделал распоряжение о том, чтобы его встретили повсюду с максимальным почетом. В первом крупном городе Французской республики, через который пролегал путь русского генерала, его ожидал торжественный прием. Этим городом был Брюссель (не следует забывать, что бывшие Австрийские Нидерланды в ходе войн революции попали в руки французов). Спренгпортена встречал гарнизон, выстроившийся в парадной форме, в честь него грохотали пушки, а дивизионный генерал Кларк со своим адъютантом прискакал галопом из Парижа для того, чтобы засвидетельствовать почтение русскому посланнику. Спренгпортен был просто изумлен неожиданными, чуть ли не царскими почестями.

Разумеется, генерал Кларк должен был написать подробный рапорт министерству иностранных дел о встрече с русским генералом. Этот рапорт чрезвычайно благожелателен по отношению к посланнику императора. Со своей стороны генерал Спренгпортен, согласно донесению Кларка, также был настроен оптимистически и верил, что дружба и даже союз между Францией и Россией стоят на повестке дня. «Франция – великая держава, - сказал русский генерал в беседе с Кларком, - и Россия тоже великая держава. Обе они так расположены, что решительно не могут вредить друг другу. Их преимущество состоит в том, что они разделены третьей державой, которая бессильна без поддержки той или другой из них; и, как Франции, так и России, нет никакой выгоды нападать друг на друга или допускать, чтобы эта третья держава обижала ту или другую, или предприняла что-нибудь противное системе двух других. Ее держат в существующих пределах, и это положение представляет некоторые выгоды для спокойствия Европы»²⁰. Интересные сведения сообщает о встрече с Спренгпортеном адъютант Кларка капитан Жиро: «Это наш консул, - сказал посланник о Павле I французскому офицеру, стараясь, видимо для большей наглядности, говорить в модных республиканских терминах, - монарх, характер которого отличается верностью и честностью... Самая строгая справедливость, самое благородное великодушие отличают поведение Павла I. Однако он не свободен от предубеждений, происходящих порой от клеветников. Если у вас есть враг, который умело вам вредит, вы можете в мгновение потерять ваше звание и вашу должность...»²¹

В разговоре с адъютантом Кларка русский генерал еще раз подтвердил свою уверенность в перспективах русско-французского сближения: «Павел I вступил в коалицию, не имея никаких мыслей о территориальных приобретениях за счет Франции. Увидев, что лондонский и венский кабинеты вместо того, чтобы способствовать общей цели, стараются лишь всеми силами захватить новые территории, увидев также, что правительство во Франции изменилось и на смену анархии пришло консульство, он принял решение отвести свои войска. Я надеюсь, что отныне французы и русские будут хорошими друзьями. Это твердое намерение Его Величества Императора»²².

Нетрудно догадаться, что с такими настроениями Спренгпортен был встречен в Париже с распростертыми объятиями. В своем докладе императору генерал в восторге писал: «Начиная с Брюсселя, мы ничего не платим; ни мне, ни моей свите не дают заплатить ни обола... Здесь везде, где мы ни появимся, публика встречает нас даже с рукоплесканиями... Расположение и минута самые благоприятные, притязания самые умеренные, и дело достойно вас и ваших благородных чувств»²³. Посланец царя приехал в столицу Франции 20 декабря 1800 г. и буквально тотчас же был принят министром иностранных дел, и в тот же день самим Бонапартом. Собственно говоря, официальная цель визита – выдача русских пленных – была, можно сказать, забыта. И не потому, что возникли какие-то осложнения, а наоборот, потому, что французское правительство настолько шло навстречу в этом вопросе, что само подумало обо всем, и было готово сделать все, лишь бы русские остались довольны. В отделе рукописей Российской национальной библиотеки в Петербурге хранятся документы, посвященные

официальной части миссии Спренгпортена. Это редкий пример соглашения между двумя договаривающимися сторонами, где одна из них (французская) берет на себя все обязательства, а другая лишь великодушно на них соглашается.²⁴

Основной темой бесед стали переговоры о сближении двух стран. В разговоре с Талейраном русский генерал заявил, что под руководством царя в скором времени будет создана Лига северных стран (см. ниже), целью которой будет борьба против владычества Англии на морях. Что касается Бонапарта, он выразил желание, чтобы во Францию быстрее прибыл посол, который был бы уполномочен подписать полноценный договор. Пока же, несмотря на резкость ноты Ростопчина, Первый консул согласился принципиально с ее положениями. «Ваш монарх и я, мы призваны изменить облик мира» - воскликнул он, обращаясь к генералу.

На следующий день после встречи с Спренгпортенем Бонапарт написал Павлу восторженное письмо:

"Париж, 30 фримера IX года (9 (21) декабря 1800 г.)

Вчера я встретил с огромным удовольствием генерала Спренгпортена. Я поручил ему передать Вашему Императорскому Величеству, что как по политическим соображениям, так и из уважения к Вам, я желаю, чтобы две великие нации соединились как можно скорее в прочном союзе.

Напрасно в течение двенадцати месяцев я пытался дать мир и спокойствие Европе, но я не смог это сделать. Еще идет война без всякой необходимости и, как мне кажется, только из-за подстрекательства английского правительства.

Через двадцать четыре часа после того, как Ваше Императорское Величество наделит какое-либо лицо, пользующееся Вашим доверием и знающее Ваши желания, особыми и неограниченными полномочиями, - на суше и на море воцарится спокойствие. Потому что когда Англия, Германский император и другие державы убедятся, что воля и сила наших двух великих наций направлены к одной цели, оружие выпадет у них из рук, и современное поколение будет благословлять Ваше Императорское Величество за то, что Вы освободили его от ужасов войны и раздоров...

Это твердое, откровенное и честное поведение может не понравиться некоторым кабинетам, но оно вызовет одобрение всех народов и потомства.

Я прошу Ваше Императорское Величество верить чувству особого уважения, которое я к Вам питаю; чувства, выраженные в этом письме, служат тому самым высшим доказательством, какое я могу Вам представить.

Бонапарт".²⁵

Еще это послание не дошло до Петербурга, как Павел I, словно чувствуя за тысячи километров настроение Бонапарта, даже не дожидаясь вестей из Парижа, написал письмо, которое поражает своей ясностью, благородством и идеями, опередившими свой век. Это послание столь интересно, что его нельзя не привести полностью:

"Петербург, 18 (30) декабря 1800 г.

Господин Первый Консул.

Долг тех, которым Бог вручил власть над народами думать и заботиться об их благе. Поэтому я хотел бы предложить Вам обсудить способы, с помощью которых мы могли бы прекратить те несчастья, которые уже в течение одиннадцати лет разоряют всю Европу. Я не говорю и не хочу дискутировать ни о правах человека, ни о принципах, которыми руководствуются правительства различных стран. Постараемся вернуть миру спокойствие, в котором он так нуждается и которое, как кажется, является основным законом, диктуемым нам Всевышним. Я готов слушать Вас и беседовать с Вами. Я тем более считаю себя вправе предложить это, так как я был далек от борьбы и если я участвовал в ней, то только как верный союзник тех, кто, увы, не выполнил своих обязательств. Вы знаете уже и узнаете еще, что я предлагаю, и что я желаю. Но это еще не все. Я предлагаю Вам восстановить вместе со мной всеобщий мир, который, если мы того пожелаем, никто не сможет нарушить. Я думаю, что достаточно сказано, чтобы Вы могли оценить мой образ мысли и мои чувства.

Да хранит Вас Господь.

Павел".²⁶

Интересно, что Бонапарт также еще не получив ответ Павла, твердо объявил на заседании Государственного Совета 2 января 1801 г.: «У Франции может быть только один союзник – это Россия». Складывается ощущение, что обе стороны охватило какое-то радостное возбуждение, словно этого давно ждали и вот оно, наконец, случилось. Два могущественных народа, несмотря на различия в государственном устройстве и идеологии их стран, подали друг другу руки для того, чтобы установить в мире стабильность и спокойствие.

В это время Павел принимает одно решение за другим, целью которых является установление дружбы и контакта с Францией. По его приказу Людовик XVIII и его маленький двор должны были покинуть Россию. Со службы были уволены многие французские эмигранты. В своем кабинете царь распорядился поставить бюст Бонапарта и публично пил за его здоровье.

В тот момент, когда отношения между Францией и Россией, словно по мановению волшебной палочки, из вражды превращались в самую тесную дружбу, со стороны Англии Павел получил удар – настоящую пощечину. В сентябре 1800 г. после долгой и упорной обороны французский гарнизон на острове Мальта капитулировал. Англичане не вспомнили о принципах легитимизма, о защите прав и свобод человека, о которых они так пеклись, когда это могло дать повод вести войну, прибыльную для лондонских банкиров. Над островом был поднят британский флаг, и Мальта почти на два века станет одной из главнейших баз английского флота на Средиземноморье. Это была последняя точка, которую можно было поставить в крестовом походе, когда-то начатом Павлом. Вспомним, что основным побудительным мотивом, во имя которого погибли тысячи русских солдат, было восстановление справедливости и, прежде всего, защита принципов рыцарства и чести, воплощение которых царь видел в Мальтийском ордене. Теперь эти принципы были грубо растоптаны.

Одновременно, поведение англичан на море перешло все рамки международных приличий. Английские военные корабли останавливали суда всех нейтральных держав, в частности и те, которые плавали под русским флагом, и производили их досмотр. Если что-то показалось английскому капитану похожим на «военную контрабанду», то есть предметом, который принципиально мог служить французам и их союзникам для военных целей, корабль и груз конфисковывались. Как можно догадаться, трактовка понятия «военный груз» могла быть очень широкой. Так что капитан судна, везущего груз железа, пеньки или водки из России в Америку, мог не сомневаться, что встреча с англичанами для него равняется встрече с пиратами – ведь водка могла быть предназначена для французских солдат, а значит, должна была быть конфискована вместе с судном. Однако пока англичане применяли свою своеобразную концепцию прав и свобод человека только по отношению к торговым кораблям, в Европе это терпели. Но датчане приняли решение сопровождать свои торговые суда военными кораблями и настаивали на том, что заявление начальника конвоя о том, что судовые грузы не содержат ничего из военной контрабанды, должно быть достаточным, чтобы освободить караван от досмотра. 25 июля 1800 г. на входе в Ла-Манш датский фрегат «Фрейя», который сопровождал караван из 6 торговых судов, остановила целая английская эскадра. Ее командир потребовал досмотреть и торговые суда, и фрегат. Датский капитан ответил гордым отказом и его корабль принял неравный бой с врагом. В результате фрегат был захвачен и в качестве трофея доставлен в Англию. А в сентябре на рейде в Барселоне английский линейный корабль напал на шведский фрегат.

Эпизод с Мальтой и пиратские действия английского флота на море послужили детонатором для возникновения общности интересов по защите свободы торговли со стороны северных стран. По инициативе Павла был образован союз государств бассейна Балтийского моря, целью которого было возобновить Вооруженный нейтралитет 1780 г. Россия и Швеция подписали в Санкт-Петербурге договор 16 декабря 1800 г. В скором времени к ним присоединились Дания и Пруссия. Этот союз получил впоследствии название Лига северных

стран (или Вторая лига нейтральных государств). Главными положениями статей союзного договора было требование о том, что нейтральные суда могут беспрепятственно плавать на всех морях, что мирный груз, шедший под нейтральным флагом, не подлежит захвату (причем все морские припасы считаются мирным грузом), а порт признается находящимся в состоянии блокады только в том случае, если он действительно окружен боевыми кораблями. Наконец, самое главное положение декларации о вооруженном нейтралитете состояло в том, что коммерческие суда нейтральных стран, следующие под конвоем военных, не подлежат ни в коем случае осмотру со стороны боевых кораблей воюющих держав.

Поскольку Великобритания нарушила условия договора по поводу острова Мальта и категорически отказалась признавать права нейтральных держав, Павел I распорядился наложить эмбарго на все английские суда, находившиеся в русских портах. Так, в течение нескольких месяцев перевернулась вся европейская политика. Коалиция, которую англичане сколачивали против Франции, распалась и, вместо объединения держав в борьбе против Республики, возникла антианглийская коалиция!

В это же время, в конце ноября 1800 г., австрийцы разорвали перемирие, заключенное летом в Италии и на Рейне и снова перешли в наступление. На этот раз мощный контрудар нанесла Рейнская армия. 3 декабря 1800 г. войска под командованием Моро разгромили австрийцев в битве под Гогенлинденом, одновременно в Северной Италии французы также остановили австрийский натиск и сами двинулись вперед. Австрийская монархия оказалась на краю гибели. 25 декабря в местечке Штейер австрийский главнокомандующий вынужден был подписать перемирие, и немедленно начались переговоры о мире. В тот момент, когда брат Первого консула Жозеф Бонапарт и граф Кобенцель, австрийский уполномоченный, отчаянно дискутировали в Люневиле условия мирного соглашения, в Париж пришло письмо, написанное Павлом 18 (30) декабря 1800 г. (см. выше). В восторге Наполеон отправил послание своему брату: «Вчера прибыл из России курьер, проделавший путь за пятнадцать дней; он мне привез исключительно дружественное письмо императора (*Павла*), написанное им собственноручно: Россия имеет крайне враждебные намерения против Англии. Вам легко понять, что не в наших интересах спешить, так как мир с (*австрийским*) императором – ничто в сравнении с действиями, которые сокрушат Англию и сохранят нам Египет»²⁷.

Жозефу и не пришлось спешить. Австрийцы уже знали о том, что между Первым консулом и царем завязывается настоящая дружба. Кобенцель написал своему правительству в эти дни: «Это сближение с северными дворами, в особенности же с Россией, стало их коньком; они выставляют его на каждом шагу»²⁸. Теперь австрийские уполномоченные поняли, что у них нет никаких оснований затягивать переговоры. 12 февраля 1801 г. в Париже загремели пушки, возвестившие о подписании мира между Францией и Австрийской монархией*. В этот день парижане веселились на карнавале. Новость о подписании мира вызвала взрыв радости в праздничной толпе. Свидетель этих событий пишет: «Тогда народ в каком-то безумном восторге хлынул внезапно... в сад Тюильри с исступленными криками: «Да здравствует Первый консул!» и принялся танцевать под окнами дворца»²⁹. Праздники по поводу заключения мира продолжались целый месяц: салюты и народные гуляния, официальные церемонии и приемы следовали один за другим. «Какой великолепный мир! Какое начало века! И какая мудрость, соединенная с умеренным применением могущества и силы!» - так выразила газета «Журналь де Деба» мнения французов по поводу происходящих событий.

Никогда, наверное, глава французского правительства не находился в такой радостной эйфории, которую разделял его народ. Кажется, все самые несбыточные мечты были реализованы всего лишь за год и два месяца его правления! Внутри страны воцарились спокойствие и порядок, война на континенте была выиграна, а на море французские, голландские, испанские, русские, шведские, датские и немецкие моряки готовили свои корабли к решительному бою с англичанами. Самые головокружительные проекты казалось теперь возможным реализовать. Бонапарт, покинув Египет, никогда не забывал о французских

* Люневильский мирный договор был подписан 9 февраля 1801 г.

солдатах, оставшихся за морями. Теперь он был уверен, что благодаря дружбе с Россией, он сможет спасти затерянную где-то далеко в африканских песках армию, а сам Египет сохранить для Франции. 15 января 1801 г. Бонапарт написал своему брату Люсьену: «Сейчас великое дело – это спасти Египет»³⁰. Для этого, в содружестве с Испанией должна была быть подготовлена мощная армия и флот.

Едва был пописан мирный договор с Австрией, как спустя всего лишь несколько дней французскую границу пересек целый караван карет и экипажей, которые везли в Париж долгожданного российского посла и его многочисленную свиту. Этим послом был граф Степан Алексеевич Колычев, 54-летний вельможа хорошо известный при дворе Екатерины и Павла. Трудно себе вообразить те приготовления, которые были сделаны для встречи высокого гостя. Первый консул буквально засыпал письмами префектов департаментов, через которые должен был проезжать русский посол. На границу выехал начальник штаба консульской гвардии, один из ближайших соратников Бонапарта генерал Кафарелли, чтобы организовать торжества в честь посланника. Особому почтовому комиссару было поручено позаботиться о путях следования кортежа, в городах подметали улицы и облачались в парадные мундиры гарнизоны.

К моменту приезда Колычева, Бонапарт получил от царя еще два послания. Хотя даже мира еще не было подписано между Россией и Францией, Павел I писал так, как если бы обращался к союзнику. В письме от 15 (27) января 1801 г. император говорил: «Господин Первый Консул, я пользуюсь случаем, чтобы написать Вам письмо. Меня принуждает к этому поведение англичан не только по отношению к России, но и к другим северным государствам. Не мне указывать Вам, что Вам следует делать, но я не могу не предложить Вам, нельзя ли предпринять или, по крайней мере, произвести что-нибудь на берегах Англии. В тот момент, когда она оказалась изолированной, это может произвести надлежащий эффект и заставить ее раскаяться в своем деспотизме и высокомерии...»³¹

Лучшего Первый Консул не мог бы и вообразить. Русский царь сам думает о том, как нанести удар англичанам. Бонапарта не надо было уговаривать, и он со своей стороны написал царю 27 февраля 1801 г.: «...Самоуверенность и наглость англичан поистине беспримерны. Я подготовлю, как Ваше Величество, судя по всему, желает, 300-400 канонерских шлюпов в портах Фландрии, где я соберу армию. Я дал приказ, чтобы в Бретани была также сконцентрирована армия, которая может быть посажена на корабли Брестской эскадры... Я послал на подкрепление Тулонской эскадры 10 кораблей из Бреста, они успешно туда прибыли. Испания собирает эскадру в Кадисе, чтобы, если обстоятельства потребуют, эти эскадры могли соединиться с черноморской эскадрой Вашего Величества. Но для этого, мне кажется, необходимо иметь один порт на Сицилии, другой на Тарентском берегу. Однако для эскадр не будет безопасности в этих портах до тех пор, пока они не будут заняты русскими и французскими войсками. Поэтому, я хотел бы, чтобы главный порт Сицилии был занят русским гарнизоном, а один из портов на берегу Тарентского залива – французским»³².

В последнем письме главное внимание уделялось Египту, недаром речь идет о портах на Средиземном море. Бонапарт пытался соблазнить и русского царя перспективой французского господства в Египте. В его голове уже вставали величественные планы: «Суэцкий канал, который соединит Индийский океан и Средиземное море, уже существует в проекте. Эта задача несложная, ее можно решить в короткое время и это без сомнения принесет неисчислимые выгоды русской торговле. Если Ваше Величество все еще разделяет мнение, которое Вы часто высказывали, что часть северной торговли могла бы переместиться к югу, то Вы можете связать свое имя с великим предприятием, которое окажет огромное влияние на будущие судьбы континента»³³.

Павел I действительно к этому времени был пленен проектами Бонапарта. Возможно, он уже видел русский флаг, развевающийся над портами Константинополя и Средиземноморья, а русских и французов – хозяевами на морях. В его голове рождается еще одна идея – распространить влияние Российской империи далеко на юг и, совместно с французами, выбить англичан из Индии. Конкретный план похода появился, очевидно, в первые месяцы 1801 г. В далекую экспедицию предполагалось направить 70-тысячную армию, половину которой (35

тысяч) выделяла Россия, другую половину – Франция. Французские войска под командованием уже известного нам, выдающегося полководца, генерала Андре Массена должны были спуститься на транспортных судах по Дунаю, затем пересечь Черное море и через Таганрог, Царицын дойти до Астрахани. Русская армия должна была быть собрана в Астрахани ранее и, следуя в авангарде, добраться до Астрабада (современный Горган), где русские должны были дожидаться подхода союзников.

Согласно плану «комиссары обоих правительств будут посланы ко всем ханам и «малым деспотам» тех стран, через которые армия должна будет проходить; для объявления им: «Что армии двух могущественных в мире наций, должны пройти через их владения, дабы достигнуть Индии; что единственная цель этой экспедиции состоит в изгнании из Индостана англичан, поработивших эти прекрасные страны, некогда столь знаменитые, могущественные и богатые... ужасное положение угнетения, несчастий и рабства, под которым ныне стенают народы этих стран, внушило живейшее участие Франции и России; что в следствие этого эти два правительства решили соединить свои силы для освобождения Индии от тиранского ига англичан»³⁴.

Подобно Египетской экспедиции Бонапарта, поход в Индию должен был быть не только военным, но и научным. План предполагал следующее: «Избранное общество ученых и всякого рода артистов должно принять участие в этой славной экспедиции. Правительство поручит им карты и планы, какие только есть о странах, через которые должна проходить союзная армия, а также наиболее уважаемые записки и сочинения, посвященные описанию тех краев»³⁵. Подобно тому, как это было в Египетском походе, армию должен был сопровождать «отряд воздухоплавателей», в задачу которых входило изготовление воздушных шаров, с целью произвести впечатление на «невежественные» народы. Наконец, с войсками предполагалось отправить даже «фейерверочных мастеров», а в Астрабаде устроить блистательные празднества и парады «для внушения жителям тех стран самого высокого понятия о России и Франции».

В качестве авангарда этого похода Павел решил двинуть в Индию донских казаков. 12 (24) января 1801 г. он направил атаману Войска Донского Орлову I рескрипт с предписанием немедленно собрать казачьи полки и двинуть их к Оренбургу, а оттуда прямым путем в Индию «дабы поразить неприятеля в самое сердце»³⁶. Орлов собрал 22,5 тысячи казаков с 12 пушками и 12 единорогами и выступил 27 февраля (11 марта) на Оренбург.

Согласно расчетам Бонапарта, русские и французские войска должны были дойти от Астрахани до берегов Инда за два месяца. Что же касается трудностей похода, вполне их осознавая, он, тем не менее, заключал: «армии, русские и французские жаждут славы; они храбры, терпеливы, неутомимы в храбрости и благоразумие и настойчивость начальников победят все, какие бы ни было препятствия»³⁷.

Так, в первые месяцы 1801 г. де-факто сложился первый в истории Европы русско-французский союз. Он не был еще оформлен ни одним официально принятым в дипломатической практике документом. Но нет никаких сомнений, что с обеих сторон существовала твердая воля к сближению.

Заслуга Павла состоит в том, что он, признав ошибочность «крестового похода», нашел силы признаться в этом и протянуть руку дружбы стране, которая разительно отличалась по своему устройству от Российской империи. Прирожденный консерватор, ярый приверженец теории абсолютной монархии Павел, тем не менее, сумел сделать то, о чем вряд ли могла подумать Екатерина и то, что не смог впоследствии сделать Александр.

Как дальше развивался бы русско-французский союз? Это наверняка зависело бы от тысячи обстоятельств. Вполне можно предполагать, что Россия и Франция, сокрушив морское могущество Британии, стали бы не только доминирующими державами в Европе, но и во всем мире. А в продолжительном контакте со страной, где был принят Гражданский кодекс, не исключено, что и в России произошли бы кардинальные социально-политические изменения. Увы, это все только гипотезы. Жизнь распорядилась совершенно по иному...

Трагическая смерть императора Павла I прервала процесс русско-французского

сближения.

Известие о гибели Павла I пришло в Париж 12 апреля 1801 г. Прусский посол написал в этот день: «Новость о смерти императора Павла была словно удар грома для Бонапарта. Получив это известие от господина Талейрана, он издал крик отчаяния и тотчас же стал говорить, что эта смерть не была естественной, и что удар пришел со стороны Англии»³⁸. Первый Консул, на которого совсем недавно совершили покушение, оплачиваемые английскими спецслужбами роялисты (3 нивоза IX года, 24 декабря 1800 г.), сказал также с горечью: «Они промахнулись по мне 3 нивоза, но они попали в меня в Санкт-Петербурге».

Бонапарт не ошибался. В заговоре против императора принимали не только недовольные режимом представители высшей придворной аристократии. Для того чтобы заговор выкристаллизовался необходим был толчок. Этим толчком, этой направляющей силой стали действия посла Великобритании лорда Уитворта. Уже многие русские дореволюционные историки считали, что Англия, вероятно, субсидировала заговорщиков.

Однако именно современные исследования окончательно поставили точку в этом вопросе. Совсем недавно английский историк Элизабет Спэрроу выпустила в свет большой научный труд «Secret Service: British agents in France 1792-1815», посвященный деятельности английской разведки в обозначенный период. Работа написана на основе изучения огромного количества неизвестных ранее архивных документов, и она не оставляет сомнения в причастности британских спецслужб к организации заговора против Павла I.³⁹ Английские агенты и английские деньги помогли заговору набрать силу.

Лига северных стран прекратила свое существование вместе с гибелью императора. «Павел I умер в ночь с 24 на 25 марта^{*}, - писала в апреле официальная французская газета «Монитор», - английская эскадра прошла Зунд^{**} 31 марта. История расскажет нам какая связь может существовать между двумя этими событиями»⁴⁰.

Теперь история может ответить на этот вопрос уверенно – связь между этими двумя событиями была самой прямой. Конечно, было бы смешно приписывать случившееся в Петербурге деятельности исключительно английских спецслужб, нельзя не отметить, однако, что заговорщики действовали в согласии и при поддержке тех, кому сближение России и Франции было как кость в горле. Ночью с 11 на 12 (23-24) марта в Михайловском замке был убит не только император Павел, но и русско-французский союз.

Нужно отметить, что в 1799-1801 гг. внешняя политика Бонапарта полностью соответствовала линии, намеченной Талейраном в его знаменитой брошюре «Состояние Франции в конце VIII года»: «Война до победы и блокада Великобритании до тех пор, пока последняя будет безраздельно господствовать на морях. Война с Австрией, чтобы заключить с ней мир, а потом и союз. Договор с Россией, которая должна стать главным и естественным союзником Франции»⁴¹.

Без сомнения, это амбициозная программа, однако она весьма далека от тех планов мирового господства, которые любят приписывать Бонапарту авторы поверхностных исторических исследований. Отношение Бонапарта к России, в частности, полностью соответствовало той линии, которая была намечена в программе Талейрана.

Приход к власти Александра I полностью изменит ориентиры в русской политике. Именно с деятельностью этого императора связано резкое обострение русско-французских отношений, которое повлекло за собой нарастающую напряженность в Европе.

Однако это уже другая страница истории...

* Дата дана ошибочно в связи с неправильным переводом даты с одного стиля на другой.

** Зунд – пролив, который отделяет Данию от Швеции. Английская эскадра, пройдя Зунд, вышла к Копенгагену.

-
- ¹ Archives Nationales. AF, 1696, d. 1.
² Ibid.
³ Ibid.
⁴ Czartoryski A.-J. Mémoires du prince Czartoryski et correspondance avec l'Empereur Alexandre Ier. Paris, 1887. P. 301-302, 365.
⁵ Correspondance de Napoléon Ier publiée par l'ordre de l'Empereur Napoléon III. Paris, 1858-1870. T. 6. P. 36.
⁶ Ibid. P. 37.
⁷ Ibid. P. 359.
⁸ Archives Nationales. AF, 1696.
⁹ Цит. по : Poniatowski M., Talleyrand et le Consulat. Paris, 1986. P. 506.
¹⁰ Сборник Российского исторического общества. Т. 70. С. 1, 2.
¹¹ Манфред А.З. Наполеон Бонапарт. М., 1986. С. 310.
¹² Archives Nationales. AF, 1696.
¹³ Poniatowski M. Op. cit. P. 127-128.
¹⁴ Ibid. P. 131.
¹⁵ Записка графа Ростопчина Ф.В. // Русский Архив, 1878. Т. 1. С. 104.
¹⁶ Там же. С. 105
¹⁷ Там же. С. 106.
¹⁸ Там же. С. 110.
¹⁹ Сборник РИО. Т. 70. С. 11.
²⁰ Там же. С. 15-16.
²¹ Ministère des affaires étrangères, R 140.
²² Ibid.
²³ Сборник РИО. Т. 70. С. XXV-XXVI.
²⁴ Рукописный отдел РНБ.
²⁵ Сборник РИО. Т. 70. С. 24-25.
²⁶ Там же. С. 27-28.
²⁷ Correspondance de Napoléon. Т. 6. P. 585.
²⁸ Сборник РИО. Т. 70. С. XXXII.
²⁹ Souvenirs d'un historien de Napoléon. Mémorial de J. de Norvins. P., 1896. Т. 2. P. 278.
³⁰ Lecestre L. Lettres inédites de Napoléon I. P., 1897, n0 32.
³¹ Там же. С. 32-33.
³² Там же. С. 38-39.
³³ Там же. С. 40.
³⁴ Проект сухопутной экспедиции в Индию. СПб. С. 21-22.
³⁵ Там же. С. 27.
³⁶ Шильдер Н. К. Император Павел I. СПб, 1901. С. 419.
³⁷ Проект сухопутной экспедиции в Индию. СПб. С. 34-35.
³⁸ Цит. по: Talleyrand et le Consulat. P. 529.
³⁹ Sparrow E. Secret Services: British agents in France 1792-1815. Suffolk, 1999. Secret Service, Assassination of Paul I. P. 223-240.
⁴⁰ Цит. по Lentz T. Le Grand Consulat. Paris, 1999. P. 291.
⁴¹ Ibid. P. 131.